

ВСПОМИНАЯ ЛИДИЮ СУХАРЕВСКУЮ

Она была прежде всего — Актриса

Исполнилось 85 лет со дня рождения народной артистки России, лауреата Государственной премии и премии К. Станиславского — Лидии Павловны Сухаревской, и мне захотелось вспомнить об этой удивительной женщине, самобытной, яркой индивидуальности, с которой так счастливо столкнула меня судьба.

А случилось это так. Однажды раздался звонок, и я услышала знакомый голос. Лидия Павловна предложила мне сыграть с ней в одном спектакле роль Альки — хамоватой и бесшабашной деревенской девчонки. Это была инсценировка, сделанная самой Сухаревской по двум повестям Федора Абрамова «Пелагея» и «Алька». Так я начала ходить в ее дом, и наши репетиции переросли в дружбу, длившуюся до последних дней ее жизни.

Но, оказывается, написать о человеке, которого даже хорошо знаешь, очень трудно. И тогда я представила себе, что беседую с неким корреспондентом газеты, видевшим наш с ней спектакль «Пелагея и Алька» (а это была единственная работа, сделанная Лидией Павловной на эстраде) и, конечно, так же, как и я, влюбленным в эту великую русскую актрису. Вот что у меня получилось.

— Алла, вы могли бы определить одним словом — какая она была, Лидия Павловна Сухаревская, актриса и человек?

— Если одним словом... Пожалуй, веселая, да, веселая. А если дальше — очень смешливая, болящая фантазерка и молодая, то есть с постоянным огнем внутри, всегда желающая творить. Я никогда, общаясь с ней, не чувствовала ее возраста. Ее все интересовало, все — и театр, и литература, и политика... Она умела слушать и слышать.

— Вас связывала только работа или что-то большее?

— Не знаю, где проходит эта грань между человеческой и творческой привязанностью. Я ее очень любила, предпочитала любое свидание встрече с ней. Понимаете, с ней было безумно интересно: то, как она репетировала, как вспоминала из своей жизни, как рассказывала об этом, как угощала своим фирменным тортом, над чем смеялась, что осуждала — все это было овеяно ее неповторимым талантом и обаянием. После театального института, мхатовской студии, Лидия Павловна стала моей второй школой. Репетировать она могла целыми днями, забыв про еду. Вообще, как она говорила, репетировать любила больше, чем играть. Мне кажется, потому что здесь для нее было свободное плавание, не скованное точным рисунком, готовым образом... Она все-таки актриса свободного полета, понимаете?

— Но в театре такое редко возможно?

— К сожалению. Она рассказывала, как не просто складывалась ее театральная судьба. У Акимова в Ленинграде получить роль и сыграть — это было — слезы! Наверно, поэтому заболела — стала плохо слышать. Врачи сказали, что это на нервной почве. У Андрея Гончарова тоже не все так лучезарно...

— С ней трудно было работать?

— Как-то считалось, что да. Но мне было легко. Легко и весело. Во-первых, мне нравилось все, что она предлагала, ее фантазии, ее замечания. А во-вторых, наш спектакль рождался во взаимной любви, а это, может быть, самый главный залог успеха. Мы ведь репетировали долго, почти год, и за это время ни разу не поссорились. И хотя роль у меня поначалу катастрофически не получалась, Л.П. никогда не показывала свое раздражение, недовольство... Никогда. Я поражаюсь ее терпению по отношению ко мне. Ну, а потом, уже много позже, после одного из спектаклей, она подарила мне оригинальную открытку — аппликацию смешного желторотого цыпленка — и написала: «Я очень рада, что ты выпулилась в такую самостоятельную творческую личность. А искусство что такое? Работа!»

— Как случилось, что заслуженный артист России Александр Азарин, ваш отец, стал режиссером этой работы?

— Лидия Павловна была очень разборчива в выборе режиссера. Поначалу она не хотела никого: «Давай попробуем сами!» Мы встречались где-то полгода, не торопя себя, в удовольствие, а когда ей показалось, что мы что-то сделали, она захотела это «что-то» кому-нибудь показать. Кому? И вот решила сыграть весь спектакль в большом репетиционном зале Театра на Малой

Бронной, где она тогда работала, для двух зрителей — Бориса Михайловича Тенина — своего мужа, и моего отца — Азарина Александра Ефимовича.

Борис Михайлович — человек прямой, без «дипломатии», так он сразу сказал: «Боже! Как плохо! Столько репетировать! Да за это время пять «Гамлетов» можно было сыграть!»

А папа тут же внес несколько конкретных предложений, в том числе кое-что изменить в самой инсценировке. Лидия Павловна так это понравилось, что она попросила его довести работу до конца, и он стал режиссером спектакля.

— Я знаю, что вы играли с большим успехом, отличная пресса, гастроль... Почему ТВ ни разу не показало этот спектакль?

— Ну что вы? Разве зрительский успех определял что-то для тогдашнего ТВ начальства?! Вы, наверно, помните — сама личность человека и писателя Федора Абрамова была «не в чести» в ЦК партии. На него постоянно нападали, цензура с огромным трудом пропускала его произведения. Поэтому наш спектакль выпускался очень тяжело: мы сдавали его комиссии Московского управления культуры три раза! Придирались к каждой фразе, каждому слову, где только могла быть хоть какая-то ассоциация, намек... А вы говорите телевидение? Но Л.П. очень хотелось, чтобы спектакль был показан, и хотя она не любила никого ни о чем просить, но тут пересилила себя и пошла на прием к председателю Гостелерадио. Потом рассказывала и чуть не плакала: «Ну, приняли... мило! О здоровье спросили... а как про Абрамова заикнулась, так он прямо за голову схватился: «Ну что вы, Лидия Павловна! Когда вся деревня голодает... показывать «Пелагею!» Меня не поймут!» Так ни с чем и ушла. Противно все!» Правда, Ленинградское ТВ, когда мы там на гастролях были, все-таки осмелилось и показало... фрагменты. Спасибо им! Тогда это был смелый шаг!

— А Федор Абрамов видел спектакль?

— Да. Как раз во время наших гастрелей в зале Капеллы. Зрители его узнали, зааплодировали. Он ведь был почти персоной нон грата. А после спектакля, когда на сцену поднялся, так просто овация началась. Он тогда нам сказал: «Вы играете лучше, чем я написал!» Это, конечно, большая похвала, особенно из уст такого «сурового» человека, как Федор Александрович. Спустя несколько месяцев он вдруг позвонил и пригласил нас участвовать в своем творческом вечере в Московском Доме литераторов. В переполненном зале Ф.Абрамов отвечал на вопросы, мы с Л.П. играли отрывки, и Юрий Любимов показывал своих «Деревянных коней». Тоже фрагменты. У меня до сих пор эта афиша сохранилась.

— Мне кажется, не такая уж плохая судьба оказалась у спектакля: со съемками не получилось, зато пластинку удалось выпустить, да не просто пластинку, а альбом! А как относилась Лидия Павловна к своим коллегам? Ну, скажем, она могла кому-то позавидовать?

— Я убеждена, что талантливый человек не может быть завистлив. И чем больше талант, тем больше открыт художник к восприятию жиз-

ни, других людей. Л.П. умела искренне восхищаться актерскими удачами, хорошими спектаклями, в которых сама она не была занята.

А иногда бывала до смешного откровенна! Я несколько раз приглашала ее на свой спектакль «Может быть, повезет мне в любви» (проза, стихи и песни Булата Окуджавы), а она все не шла. И вот однажды я ее спросила: «Лидия Павловна, почему вы так упорно не хотите прийти?» Она покраснела (у нее было такое удивительно детское свойство — краснеть, когда волновалась) и говорит: «Ты там поешь... Ну и что? — Да, ты так хорошо поешь, что мне завидно!» Что после этого скажешь? По-моему прелестный ответ.

— Скажите, Алла, вот вы долго ходили в этот дом, где под одной крышей жили два выдающихся русских актера — Борис Михайлович Тенин и Лидия Павловна Сухаревская — муж и жена. Что бы вы могли рассказать об этой актерской семье?

— О! Это, знаете, как у Чехова: «Сюжет для небольшого рассказа». А я думаю, даже не рассказа, а может быть, целой пьесы. Две столь неординарные фигуры, ярчайшие индивидуальности... Мне казалось, они все-таки были очень разные люди, во многом, в том числе и в искусстве, часто придерживались совершенно разных точек зрения, не совпадали вкусы, пристрастия. Не знаю, вправе ли я приоткрывать завесу их личной жизни, но она была не безоблачной. И в то же время существовало «нечто», скрытое от посторонних глаз, от чисто внешнего проявления, очень интимное, очень глубинное, что и связало этих двух людей на всю жизнь! Ведь в конце концов Л.П. так и не смогла пережить смерти Бориса Михайловича! В последнее время между ними были какие-то необыкновенно нежные отношения. Они напоминали такую, знаете ли, юную влюбленную парочку! Борис Михайлович даже как-то помолодел, всегда улыбался при Лидийке (так он ее называл), шутил... А когда Тенина не стало, впервые за все время нашего общения Л.П. вдруг призналась: «Знаешь, Алла, как я его любила! Я бы на плаху пошла за него!» Вообще в вопросе личной жизни она не была такой уж очень... говорливой, что ли, нет, скорее больше отшучивалась, поэтому это ее признание я восприняла как настоящее откровение!

— Как вам кажется, что же было для нее главным в жизни?

— Театр, конечно, да... театр. Она прежде всего — Актриса, до мозга костей! Как-то она рассказала мне такую историю: «Лежала в больнице с переломом шейки бедра, прикованная к постели на несколько месяцев. И знаешь, почему я это вынесла? Проигрывала все свои роли. Это было серьезное занятие — переосмысление многих вещей. Интересный период в моей жизни». Вот такой я ее и запомнила — мужественной, гордой и преданной, самой прекрасной на свете — Актерской профессии.

Алла АЗАРИНА, заслуженная артистка России. На снимке: Л.Сухаревская (справа) и А.Азарина в спектакле «Пелагея и Алька».

Фото Ю.ЗЕНКОВИЧА.

